С 2124713

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

СТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КУЙБЫШЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ
В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Межвузовский сборник
научных статей

веб-публикация: Vive Liberta, 2014

Куйбышев 1988

Межвузовский сборник включает статьи, посвященные актуальным и малоизученным в советской историографии вопросам истории общественной мысли и политических движений в странах Европы и в США в новое и новейшее время. Авторы статей, историки Куйбышева, Ленинграда, Вологды, привлекли обширную советскую и зарубежную литературу, широкий круг источников, в том числе мало или вовсе не известных советскому читателю.

Сборник рассчитан на преподавателей и студентов университетов и педагогических институтов, учителей и всех интересующихся зарубежной историей.

Редколлегия: доц. Г.А.Дубовицкий, доц. В.В.Кутявин (отв.редактор), доц. С.М.Николаева, доц. С.Б.Семенов.

Рецензенты: проф. докт.ист.н. С.Г.Басин,
доц. канд.ист.н. Г.П.Мягков.

© Куйбышевский государственный университет, 1988

Межвузовский сборник статей "Из истории общественной мысли и политических движений в новое и новейшее время" подготовлен кафедрой всеобщей истории Куйбышевского университета. В статьях сборника рассматриваются различные аспекты двух многоплановых проблем, ставших особыми направлениями исторической науки: истории общественной мысли и истории политических движений в странах Европы и в США в новое и новейшее время. Преобладают статьи, посвященные истории США, что отражает интересы весьма многочисленной группы американистов кафедры всеобщей истории Куйбышевского университета и их связи со своими коллегами из других городов.

Среди тем статей - проблемы американской внешней политики (статьи О.А.Киселевой и И.А.Гарцева) и национальных движений в США (статьи Л.Н.Поповой и А.А.Знаменского). Редкой в нашей историографии теме - возникновению английского радикализма в 60-70-х гг. XVIII в. - посвящена статья С.Д.Семенова. В статье В.В.Кутявина рассматривается одна из наиболее характерных для польского национально-освободительного движения 1830-х гг. идеологических проблем.

Сборник содержит исследования персоналий - в статьях Г.А.Дубовицкого и И.В.Шатуновой, Г.М.Садовой, Т.А.Закаурцевой анализируются политические концепции и взгляды крупных буржуазных идеологов и политиков Дж.Кэлхуна, В.Ратенау, Т.Рузвельта. Обратившись в своей статье к социальным построениям Д.Дос Пассоса, С.М.Николаева стремится показать внутренний смысл поисков социальной альтернативы капиталистическому развитию США в межвоенный период.

В статьях Н.В.Шульгиной и Н.В.Дроновой, основанных на материалах прессы, предпринята попытка изучения общественного мнения, способов его проявления и механизмов формирования.

Конечно, авторы статей, столь разнообразных по тематике, ставили перед собой неодинаковые конкретные задачи, но весь авторский коллектив объединяло стремление содействовать углубленному и современному изучению проблем зарубежной истории.

Редколлегия

Кутявин Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории
Род. 28.10.1948 в Соликамске Пермской области в семье инженеров.
С 1950 г. живет в Самаре. С 1966 г. обучался в Ленинградском государственном университете, исторический факультет которого закончил в 1971 г. Специализация — история южных и западных славян, науч. рук. — профессор С.М.Стецкевич. С авг. 1973 г. работает на кафедре зарубежной (всеобщей) истории Самарского государственного университета ассистентом, старшим преподавателем, доцентом (с 1985 г.).
В 1976-1979 гг. обучался в очной аспирантуре Ленинградского университета, в 1980 г. в диссертационном совете ЛГУ защитил кандидатскую диссертацию "Идейное развитие польского национально-освободительного движения после восстания 1830-1831 гг. (по материалам эмиграции 1830-х гг.)"
Опубликовал более 80 работ.

подробнее:
http://hist.samsu.ru/teachers/kutiavin-

О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПРОГРАММАХ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1830-х гг. (по материалам эмиграции)

После неудачи польского восстания 1830-1831 гг. (ноябрьского восстания) анализ причин его поражения был в центре внимания участников польского национально-освободительного движения и всего польского общества. Свободная публичная дискуссия о причинах поражения восстания была невозможна в Королевстве Польском и чрезвычайно затруднена в других польских землях, поэтому она широко развернулась в эмиграции и велась там с большой остротой, отразившись в многочисленных и разнообразных эмигрантских материалах[1].

В годы после Ноябрьского восстания в польской эмиграции происходила интенсивная идеологическая борьба, создавались новые программы национально-освободительного движения и даже предпринимались попытки их реализации. Большинство польских эмигрантов рассматривало изгнание как продолжение борьбы, только в других условиях[2]. По-

всем эмигрантским начинаниям сопутствовало убеждение, что эмиация выработает и в будущем принесет в страну новую спаситель-

ю идею возрождения Польши. Своеобразная миссионерская, "апостольая" атмосфера характерна, пожалуй, для всех течений и группировок льской эмиграции 1830-х гг., едва ли не каждый политический деяль эмиграции обладал сознанием высшей политической миссии[3].

В 1830-х гг. смысл дискуссии о причинах поражения Ноябрьского восстания сводился не столько к развенчанию авторитетов, критической переоценке деятельности лиц и группировок, сколько к осмыению самых жгучих проблем польского общества. То или иное предавление о событиях 1830-1831 гг. влияло на понимание задач и перпектив будущей освободительной борьбы, и оценки Ноябрьского восания становились одним из важнейших факторов, воздействовавших создание новых политических и социальных программ польского национально-освободительного движения.

В послеповстанческих программах освободительного движения на рвый план чаще всего выдвигалась политическая проблематика - она изнавалась самой важной и актуальной, предопределяя содержание новных лозунгов и программ различных группировок польского национально-освободительного движения. Создание политической программы, пределяющей пути и средства восстановления независимости Польского сударства, считалось первоочередной задачей польского освободительного движения, которой обычно подчинялись все остальные, в том исле задача выработки тех идеологических принципов, на основе которых следует создавать такую программу[4].

Таким образом, важнейшей причиной расплывчатости границ между различными идейно-политическими течениями польской эмиграции было о, что стремление к независимости Польши стояло у них на первом есте. Именно оно больше всего размывало идеологическую "чистоту", оддерживая весьма распространенное убеждение, что во имя общей цели - завоевания независимости - следует поступиться идейно-политическими принципами. Позиции течений и группировок наиболее выразительно проявлялись при обращении их к социальной проблематике - в той области идейная эволюция и дифференциация польского национально-освободительного движения была особенно заметной.

Круг социальных проблем, интересовавших польских идеологов и олитиков 30-х гг. XIX в., был весьма широк, но явно выделялись ри проблемы, считавшиеся важнейшими. Это вопрос о роли шляхты в ациональном движении, аграрно-крестьянский вопрос, за которым ногие из современников видели широко понимаемую проблему социаль-

4-6916

ной революции, и проблема соотношения национальных и социальных моментов польского освободительного движения. На обсуждение этих вопросов, пожалуй, отчетливей всего влиял опыт восстания 1830-1831 гг., даже само их выделение во многом было результатом критического осмысления этого опыта[5]. Именно после Ноябрьского восстания демократическим идеологам польского освободительного движения суждено было осознать, что поражение 1831 г. стало не просто очередной политической катастрофой, но и крахом попытки сохранить традиционную шляхетскую сословную структуру общества, что возродившееся государство должно быть уже не шляхетской, а "новой Польшей". Понимание этого приводило к идее социальной революции.

Понятие революции не ново для польских публицистов 30-х гг. XIX в. Термином "революция", вкладывая в него различный смысл, пользуются политические писатели предшествующих поколений[6]. В период Ноябрьского восстания радикальные политики и публицисты говорили о социальной революции, реальным воплощением которой считали прежде всего крестьянскую реформу. В понимаемой так социальной революции видели, главным образом, средство мобилизации широких народных масс на борьбу за независимость - мнение это перерастало в прочное убеждение, особенно под влиянием военных неудач восстания. Такое прагматическое отношение к социальной революции очень заметно и в публицистике 1830-х гг., а для многих польских политиков и идеологов оно оказалось финалом их социальной и идейной эволюции. Однако главным достижением польского национально-освободительного движения после восстания 1830-1831 гг. в области социальной идеологии стало осознание социальной революции как необходимости, как самой по себе важной цели, а не просто средства для достижения другой цели - завоевания независимости.

На пути к этому важнейшему достижению "инструментальный" подход к социальной революции был оправданным, наиболее естественным и часто необходимым этапом, он облегчал переход от шляхетской революционности к революционности социальной, демократической. Процесс этот удачно изобразил Ежи Шацкий: "Путь к социальной революционности очень часто проходил через борьбу за независимость как таковую: опыт этой борьбы заставлял искать подходящие средства мобилизации масс, а ими могли быть социальные реформы ... Однако обычно понимание социальной революции как средства приводило рано или поздно к модификации цели: менялся образ будущего независимого государства, наполнялся новыми социальными реалиями"[7]. Этот процесс был едва ли не типичным для идейной эволюции многих польских демократов после Ноябрьского восстания. Но, как уже говорилось, и практическое, прагматическое отношение к социальной революции было явлением весьма распространенным.

Свои наблюдения о превращениях шляхетской революционности Шацкий вынес из многолетних исследований творчества М.Мохнацкого, который в период восстания 1830-1831 гг. одним из первых провозгласил лозунг социальной революции. Путь Мохнацкого к этому лозунгу был типичным для шляхетского революционера, но переступить этот порог, каковым было признание, что социальная революция направлена против шляхты, Мохнацкий не смог до конца жизни. Уже во время восстания можно было убедиться, что отношение Мохнацкого к социальной революции чисто инструментальное, да и сам он в конце августа 1831 г. предельно ясно выразил его в формуле: "Революция является средством, а реставрация - целью нашего восстания".[8] К концу восстания Мохнацкий создает свою политическую систему, основанную на соединении двух противоположных лозунгов - революции и реставрации; он сохраняет навсегда глубокую и даже фанатичную приверженность цели - восстановлению прежней Польши, не переставая провозглашать лозунг социальной революции как тактического, технического средства ее достижения[9]. На этом и завершается социальная и идейная эволюция Мохнацкого - ночь 15 августа 1831 г. осталась для него "ночью страшной, как все, что несет отпечаток мести и злобы народа"[10], а его общественные представления не вышли за рамки Конституции 3 мая 1791 г., появление которой казалось ему социальной революцией, осуществленной без кровопролития[11]. И это не было в то время анахронизмом, ибо для консервативных и умеренных кругов Конституция 3 мая стала символом противодействия всякому социальному радикализму. Среди демократов ее идеализация тоже не была явлением редким.

Развитие взглядов Мохнацкого, как бы противоречиво и даже парадоксально оно ни проходило, демонстрирует один из типов идейной эволюции шляхетских революционеров после восстания 1830-1831 гг., а самого Мохнацкого, при всей его незаурядности и артистичности, можно считать фигурой, характерной для той социально и идеологически переходной среды, где естественнее всего происходило взаимопроникновение и переплетение демократических и консервативных идей, рождая свойственные польскому национально-освободительному движению причудливые порой идеологические симбиозы[12]. Неоднозначный характер подобных идеологических построений, бесспорно, осложняет их анализ. В литературе же иногда заметно стремление резко проти-

вопоставить национальную и социальную революционность, что не позволяет вполне объективно оценить идеологию и программы польского освободительного движения, возможности решения национальных и социальных задач на разных его этапах. Стремление к независимости Польши само по себе не противоречило тогда революционным тенденциям эпохи, а шляхетская революционность не противостояла абсолютно революционности демократической.

Причину и природу собственной революционности и революционности шляхетского освободительного движения в целом объяснил сам Мохнацкий: из-за разделов и потери независимости, писал он, "поляки стали революционерами, больше по необходимости, для обретения самостоятельного существования, нежели по убеждению, нежели из-за особых свойств прошлого нашей страны или из-за любви к революции самой по себе, т.е. из-за врожденной мятежности духа"[13]. Революционность, о которой пишет Мохнацкий, - это стремление к национальной революции, т.е. завоеванию независимости. Такое стремление соответствовало важнейшей задаче польского освободительного движения, и создавало основу для объединения в политической деятельности очень разнородных сил - от радикальных до весьма консервативных в социальном отношении. Это представление о революционности после Ноябрьского восстания стало казаться не только ограниченным, но даже неточным - с национальной революцией соединяют, а иногда ей противопоставляют революцию социальную, которая является "не только полным уничтожением старого общества, но и основанием нового"[14]. Восстание 1830-1831 гг. оценивается демократами как "шляхетско-католическое"[15], как "шляхетско-сеймовая революция"[16]. "Будущее же восстание не может быть простой инсуррекцией, оно будет революцией, социальной революцией. В этом понятии заключается вся тайна будущей Польши"[17].

Одно из наиболее популярных произведений демократической публицистики "Краткий демократический катехизис" Я.Н.Яновского (1833 г.) показывает, что идеологи демократического лагеря достаточно определенно различали типы революции. На вопрос: "Какие бывают революции?" - следовал ответ: "Революция в узком смысле слова может быть только одного рода, т.е. народной, социальной, общественной, которая вместо старого порядка вводит новый строй для блага всего общества. Неточно революциями политическими и национальными называют войны за целость и независимость страны..."[18] "Новый строй для блага всего общества" представляется польским демократам по-разному: многие концепции почти не выходили за

пределы политического равенства, в некоторых просматривались социалистические черты.

Материалы эмиграции позволяют проследить как после Ноябрьского восстания в польском освободительном движении утверждается мысль о необходимости органически соединить борьбу за независимость с борьбой за социальные преобразования. "Единственным и последним средством восстановления независимости является освобождение народа, внутренняя революция"[19] - писала в 1835 г. "Нова Польска". Тезис: без экономической самостоятельности народа не будет политической самостоятельности Польши, - как замечает С.Пигонь, имел в эмиграции силу неотразимой очевидности и повторялся как "религиозная заповедь"[20]. Действительно, к середине 1830 гг. этот тезис войдет в программы всех демократических организаций и группировок, независимо от существовавших между ними идеологических и организационно-политических различий: связь национальной и социальной проблем польского освободительного движения недвусмысленно постулирует, например, "Союз детей польского народа"[21], газета "Поспольте рушение",[22] издания Польского демократического общества [23] и др. В.Дараш в статье "О главных причинах безуспешности восстаний в Польше" объявлял, выражая мнение большинства членов Демократического обществе, что "цель будущего восстания Польши - совершить одновременно политическую и социальную революцию"[24].

Конечно, не все признавали этот принцип, не обошлось без оговорок и даже явных возражений. На праздновании 5-й годовщины Ноябрьского восстания Ф.Гжимала говорил, что "святое дело социальных усовершенствований в Польше тесно связано с не менее святым делом независимости нации, когда первое без второго никак осуществлено быть не может", но призывал соизмерять эти два стремления, не допускать слишком радикальных общественных реформ[25]. А.Еловицкий на первое место ставил задачу национального освобождения, т.к. "при нынешнем состоянии дел не только не дать свободу и собственность, но и просвещать невозможно"[26]. Мнение В.Велегловского несло на себе явную печать полемики с демократическим лагерем: "Именно в том демократия глубоко ошиблась, что, раздвоив свою цель, ни одной из них не достигла. Хотела сразу осуществить и социальные реформы, и цель национальной независимости. Реформы рассматривала как средство для восстания, а восстание приняла как путь, которым легче будет проводить реформы"[27].

Цитированные публицисты вводят в круг концепций консервативно-либерального лагеря. Позицию консервативных и умеренных кругов

польского национально-освободительного движения лучше всего выражал лозунг: "Сначала быть, а потом обсуждать, какими быть"[28]. Иными словами, преждевременными считались не только социальные и политические реформы, но даже само обсуждение их до завоевания независимости объявлялось вредным. Такая позиция должна была свидетельствовать о готовности всех слоев общества сотрудничать для осуществления общего дела – завоевания независимости Польши. Именно из консервативных и умеренных кругов польского национального движения чаще всего доносились возражения против одновременного осуществления национальной и социальной задач движения.

Одним из наиболее авторитетных был голос сподвижника А.Чарторыского К.Гоффмана, известного в эмиграции историка. "Борьба за независимость родины и борьба за социальные реформы, – объяснял он, – хотя обе они благородны и уважаемы, являются совершенно разными; обычно они не могут происходить одновременно, ибо каждая из них подчиняется разным закономерностям, по-разному обусловлена... Первую каждый день промедления охлаждает, и, наконец, убивает, вторую же каждый день промедления усиливает, расширяет ... Первую может защитить только добрая воля людей, энергия и настойчивость ее верных защитников, вторую охраняет само время, сам прогресс века, даже если бы люди временно создавали ей препятствия ... Война за независимость должна начинаться сверху, а война социальная снизу"[29]. Гоффман признает, что социальная борьба – объективно существующий, неизбежный процесс, в то же время он осуждает всякое стремление к социальным преобразованиям, ибо они раскалывают движение и ослабляют общие усилия, направляемые против внешнего противника[30]. Идее социальной революции Гоффман противопоставляет идею национального единства в восстании – инсуррекцию, ограниченную чисто политическими акциями.

Со временем среди правых и умеренных политиков распространяется убеждение в необходимости известных социальных и политических перемен. Выходящая с 1834 г. консервативная "Хроника эмиграции польской" неоднократно провозглашала, что возрожденная Польша не будет похожа на прежнюю, что изменится ее социальное и политическое устройство[31], а в программах аристократических группировок сравнительно рано появляются лозунги равенства перед законом, свободы личности, гарантии собственности, говорилось и о наделении крестьян землей с выкупом ее у прежних владельцев. Такие симптоматичные лозунги мы находим в уставе "Союза национального единства", организации, основанной в январе 1833 г. и находившейся под влиянием А.Чарторыского;[32] их распространяли эмиссары правых группировок эмиграции в польских землях[33]. Даже такие очень умеренные и во многом вынужденные, "оборонительные" реформаторские инициативы правых группировок отражали высокий общий интерес польского освободительного движения к социальным проблемам, особенно к аграрно-крестьянскому вопросу.

Именно в этом направлении растущей заинтересованности проблемами социального переустройства Польши происходит идейная эволюция польского национально-освободительного движения, а крестьянский вопрос воспринимается как важная политическая и идеологическая проблема этого движения, тесно связанная с проблемой социальной революции, а часто с нею просто отождествляемая. В этой области идеологические сдвиги в 30-х гг. XIX в. особенно заметны.

Необходимость решения крестьянского вопроса к середине 1830-х гг. была для польских идеологов и публицистов вполне очевидной и в основе своей бесспорной. Более того, почти все сторонники независимости были также сторонниками наделения крестьян землей. Речь шла о том, как, когда и за чей счет осуществлять эти преобразования, насколько радикальными они должны быть. Здесь мнения расходились.

Наиболее новаторские и радикальные социально-политические концепции были сформулированы идеологами "Люда польского", революционно-демократической организации, занимавшей антишляхетские позиции. "Люд польский", и это решительно подчеркивало само название, рассматривал себя как представителя народных масс Польши, польского крестьянства. Объективно программа этой организации была программой последовательной буржуазно-демократической революции. Первые польские революционные демократы начинали понимать также противоречия наступающей капиталистической эпохи и искать способы преодоления тех форм эксплуатации, которые она несла. Критика капитализма идеологами "Люда польского" была важна сама по себе, но не в этом видится основная заслуга этой организации. Значительно важнее боевые призывы "Люда польского" к народной войне, войне с феодальным строем[34]. Революционное изменение общественно-политического строя "Люд польский" считал единственным путем, ведущим к социальному и политическому освобождению польского народа. Именно в документах "Люда польского" социальная революция выступает как необходимость, как важная цель, а не просто средство для завоевания независимости.

Это обстоятельство имеет существенное значение для оценки

идеологии польских политических течений[35]. Соотношение между национальными и социальными моментами польского освободительного движения неодинаково понималось различными группировками и организациями. Как отмечалось, явно преобладало убеждение, что социальные преобразования должны стать средством привлечения народа к борьбе за независимость - так чаще всего обосновывала необходимость крестьянской реформы и демократическая публицистика 1830-х гг. Однако во второй половине 30-х гг. XIX в. многие демократы приходили к выводу о самостоятельной ценности социальной революции. Отчетливее всего этот вывод сформулировали идеологи "Люда польского", для которых наиболее важной была не традиционная антитеза - социальная революция или национальная, а другие - индивидуальная или коллективная собственность на землю и т.п. И Демократическое общество в своих программных документах постоянно подчеркивало одинаковую важность социальных и национально-политических задач польского освободительного движения ("итак, Польша независимая и демократическая - вот цель нашего Общества"[36], - провозглашал Манифест 1836 г.), хотя распространенное представление об аграрных преобразованиях как тактическом средстве привлечения крестьян к восстанию было свойственно многим теоретикам Общества[37]. Идеологи Демократического общества неоднократно заявляли, что политическое и социальное угнетение народа стало причиной неудач всех повстанческих усилий, но одновременно были убеждены, что любая значительная освободительная акция без участия шляхты невозможна. В этом их убеждал также опыт эмиссаров демократической эмиграции, ведущих конспиративную деятельность в польских землях[38]. Осуждение концепции единства нации прозвучало в эмиграции[39], тем не менее она оставалась одним из определяющих элементов тактики и программы демократических организаций 1830-х гг., имея объективную обусловленность[40]. Объединение патриотических сил в общенациональный блок было допустимо и, очевидно, в 1830-х гг. необходимо для завоевания независимости, хотя в деятельности Польского демократического общества таким политическим компромиссам нередко сопутствовали компромиссы идеологические, а идея единства нации легко превращалась в идею социального солидаризма. Это несомненно свидетельствовало об известной умеренности программы и идеологии Демократического общества и отражало те трудности, в столкновении с которыми происходило развитие демократических концепций.

Таким образом, в программах польского национально-освободительного движения 1830-х гг. с национально-политическими проблемами все теснее соединялись проблемы социально-экономические. Идейное развитие польского освободительного движения в это время характеризовалось прежде всего усилением социальных моментов в его идеологии и программах. Важнейшим достижением польской демократической мысли после Ноябрьского восстания стало осознание неразрывной связи борьбы за национальную независимость с социальной революцией. Радикальное переустройство общества представлялось польским демократам столь же важной целью, как и восстановление независимости Польши, а некоторым - их в 1830-х гг. представляла прежде всего "Люд польский" - даже главной целью освободительного движения.

Библиографический список

1. Подробнее см.: Żaliński H. Stracone szanse. Wielka Emigracja o powstaniu listopadowym. Warszawa, 1982.

2. См., например: Pamiętnik Emigracji Polskiej. Paryż, 1 lipca 1832. S.2; Tygodnik Awenioński. Awenion, 29 listopada 1832. S.21; Listy Seweryna Goszczyńskiego. Wyd. S. Pigoń. Kraków, 1937. S.18.

3. Listy emigracyjne J.Lelewela. Kraków, 1948. T.1. S.132; Sienkiewicz K. Prace historyczne i polityczne. Paryż, 1862. S.273; Jenerał Zamoyski. 1803-1868. Poznań, 1914. T.3. S.246; Czyński J. Cesarzewicz Konstanty i Joanna Grudzińska czyli Jakubini polscy. Paryż, 1834. T.4. S.130.

4. Ср.: Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja. Problematyka narodowa w polskiej myśli szlachecko-rewolucyjnej. Warszawa, 1962. S.7; Ludwikowski R. Konserwatyzm Królestwa Polskiego w okresie międzypowstaniowym. (Z rozważań nad ideologią i polityką). Warszawa-Kraków, 1976. S.19-20.

5. Польша на путях развития и утверждения капитализма: Конец XVIII - 60-е годы XIX в. М., 1984. С.191, 197.

6. О различном употреблении и понимании терминов "революция" и "социальная революция" см.: Pepłowski F. Słownictwo i frazeologia polskiej publicystyki okresu Oświecenia i romantyzmu. Warszawa, 1961. S.53-76; Dutkiewicz J. Z badań nad terminologią publicystyki powstania listopadowego // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Ser.1. Łódź, 1959. Z.12. S.98-113.

7. Szacki J. Maurycy Mochnacki// Polska myśl filozoficzna i społeczna. Warszawa, 1973. T.1: 1831-1863. S.24.

Ср.: Feldman W. Dzieje polskiej myśli politycznej w okresie porozbiorowym (Proba zarysu). Kraków, 1913. T.1. S.224-225; Миллер И.С. Накануне отмены барщины в Галиции (Из истории идейной политической борьбы в польском обществе в 30-40-х годах XIX в.) // Ученые записки Института славяноведения. М., 1949. Т.I. С.14

8. Mochnacki M. Pisma rozmaite: Oddział porewolucyjny. Paryż, 1836. S.95.

9. Mochnacki M. Powstanie narodu polskiego w r.1830 i 1831. 3-ie wyd. Berlin-Poznań, 1863. T.III. S.245-246.

10. Mochnacki M. Dzieła. Poznań, 1863. T.I: Listy Maurycego Mochnackiego i brata jego Kamila, wyszłych z wojskiem polskim do Francji w 1831. S.3.

11. Pamiętnik Emigracji Polskiej. 23 stycznia 1833. S.1.

12. Ср.: Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja. S.13-14; Дьяков В.А., Фрейдзон В.И. Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX веке // Советское славяноведение. 1984. № 2. С.53, 57.

13. Mochnacki M. Pisma rozmaite. S.394.

14. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей (далее ИППМ). М., 1956. Т.П. С.488.

15. Północ. 1 czerwca 1835. S.39.

16. ИППМ. Т.П. С.585.

17. Там же. С.488.

18. Там же. С.455.

19. Nowa Polska. 1835. S.250.

20. Pigoń S. Problem ludu-narodu w publicystyce Wielkiej Emigracji// Pigoń S. Drzewiej i wczoraj: Wśród zagadnień kultury i literatury. Kraków, 1966. S.31.

21. Postępowa publicystyka emigracyjna 1831-1846. Wybór źródeł. Wrocław etc., 1961. S.99.

22. Ordyniec J.K. Pospolite Ruszenie. Paryz, 1835. Nr.1. S.4.

23. См., например: Demokrata Polski. T.1. 23 stycznia 1838. S.83-84; T.2. 2 stycznia 1840. S.265.

24. Pismo Towarzystwa Demokratycznego Polskiego. Cz.1. S.68

25. Tygodnik Emigracji Polskiej. 1835. Cz.7. Nr.12. S.93.

26. Jełowicki A. O powstaniu, przez...O wojnie partyzańskiej, przez jenerała Chrzanowskiego. Paryż, 1835. S.19-20.

27. Wielogłowski W. Emigracja Polska wobec boga i narodu. Wrocław, 1848. S.83.

28. См., например: Mochnacki M. Pisma rozmaite. S.104-105, 455-456; [Dembiński H.] Pierwiej bydź, a potem radzić jak bydź porzeba. Paryż, 1833. S.1-6; Niemcewicz J.U. Ostatnie słowa do ziomków moich. Paryż, 1833. S.11; Kraj i Emigracja. 1835. Z.I. S.15, 24-25; Czartoryski A. Mowy księcia...od roku 1838-1847. Paryż, 1847, S.7.

29. Hoffman K.B.A. Cztery powstania...// Kraj i Emigracja. 1836. Z.VII. S.68-69.

30. Ibid. S.68.

31. Kronika Emigracji Polskiej. 1834. T.I. S.3; 1835. T.II. S. 288. Ср.: Trzeci Maj. Broszura...Paryż, 1833. S,13.

32. Gadon L. Emigracja polska: Pierwsze lata po upadku powstania listopadowego. Kraków, 1901. T.III. S.301.

33. Kieniewicz S. Konspiracje galicyjskie (1831-1845). Warszawa, 1950. S.76-77.

34. Kieniewicz S. Problem rewolucji agrarnej w okresie kształtowania się układu kapitalistycznego //Z epoki Mickiewicza. Wrocław, 1956. S.30-31.

35. Ibid. S.8-11.

36. ИППМ. Т.П. С.476.

37. Ср.: Миллер И.С. Крестьянский вопрос в программе Польского Демократического общества (30-40-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1948. № 9. С.54-55; История Польши. 2-е, доп. изд. М., 1956. Т.I. С.595.

38. Barszczewska A. Szymon Konarski. Warszawa, 1976. S.110, 154.

39. ИППМ. Т.П. С.533.

40. Дьяков В.А. Освободительное движение в России, 1825-1861 гг. М., 1979. С.169-170.